

16+

Иван *VeganaMaia* Вологдин
Имя нам "Легион"
часть первая

Чёртово болото

Иван Вологдин

Имя нам легион. Чертово болото

«Автор»

2018

Вологдин И. V.

Имя нам легион. Чертово болото / И. V. Вологдин — «Автор»,
2018

ISBN 978-5-532-09642-4

Денис является успешным, но уставшим от собственного успеха человеком. Все, что он желает – это передать бизнес, посвятив остаток жизни таинству фотографии и общению со своей семьей. Ответом на его желания приходит объявление о продаже дома неподалеку, в котором он рос, будучи подростком. Череда странных событий, происшествий и совпадений заставляют Дениса усомниться, что покупка дома – добрый знак. Незвестный и страшный мир откроется перед ним, едва он переступит порог заброшенной деревни. Для оформления обложки использовано изображение с сайта allwallpaper.

ISBN 978-5-532-09642-4

© Вологдин И. V., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Тайны семьи Копыловых	5
Глава 2. Мысли материальны	12
Глава 3. Главней всего погода в доме	17
Глава 4. Сделка с дьяволом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1. Тайны семьи Копыловых

Приобрести загородный дом вдали от города Братска, расположенного посреди бескрайней, суровой, Сибирской тайги, на севере Иркутской области, успешный бизнесмен и счастливый семьянин Денис Владимирович Копылов хотел уже давно.

Тридцати восьми лет от роду, спортивный, крупный телом, широкоплечий, неизменно коротко стриженный «под ёж», черноволосый мужчина, любящий дорогие автомобили, новомодные гаджеты и удобную одежду, нашел себя на поприще массового производства памятников, оградок, подготовки могил, достойного оформления всего процесса похорон от прощального зала до поминального банкета и... в профессиональном фотографировании.

Денис был пусть и не смазлив лицом, но весьма привлекателен для женского взора.

Высокий и статный кареглазый, слегка седеющий мужчина обладал утонченными, молодежьими чертами худого лица, которое весьма сочеталось с длинным, прямым носом, расположенным над крупными, аристократически искривленными природой губами.

Эта часть внешности была его визитной карточкой и изюминкой, ибо создавалось впечатление, что выразительные губы, расположенные так по природной прихоти, всегда, независимо от ситуации, слегка выказывая пренебрежение к окружающему миру, были немного подернуты вверх и неизменно поджаты.

Впрочем, первое впечатление о Денисе было всегда обманчивым, так как за внешностью богатенького сноба скрывалась широкая, русская душа обычного, открытого мужика, коих очень мало оставалось на планете Земля, плавно переходящей в жеманные, размыто – гендерные реалии XXI века.

Бизнесмен не сразу достиг вершины собственных капиталов, вдоволь набив тумаки опыта на разных поприщах и много трудясь как на официальных работах, так и в других направлениях ранней предпринимательской деятельности. Именно поэтому про Копылова можно было смело сказать, что он заработал состояние честным беспрестанным трудом, что являлось большой редкостью в наше время.

Конечно, иногда приходилось идти на хитрости, но... время нынче такое, не простое, а поэтому в сравнении с другими акулами бизнеса был Денис как агнец на заклание, из-за чего заслужил уважение и наработал связи в совершенно разных, часто противоборствующих кругах маститых людей.

Путь вверх был тернист. За спиной у бизнесмена стоял титанический труд, сформировавший его. Вспомнить хотя бы те многие сотни бессонных ночей подработки, когда денег не хватало даже на то, чтобы рассчитаться с кредитами. Практически полное отсутствие выходных и праздников. Тысячи мелких и крупных сделок и как закономерный результат – его фамилия значилась в учредительных документах одного из самых крупных ритуальных агентств города Братска, филиалы которого к двадцатому году достигли даже областного центра и в перспективе обещали вырваться на просторы нашей необъятной родины.

Как уже упоминалось выше, не смотря на статусность и ясные горизонты, ведущие его бизнес к излету жизни к уровню общероссийского, специфического бренда, Денис не растерял простоту души.

За это приобретенное свойство, прежде всего, можно было сказать большое спасибо его родителям, заложившим основы взрослого поведения еще в детстве, воспитав сына на собственном примере заядлых, не унывающих работяг.

Мама и папа, Вячеслав Константинович и Анна Анатольевна, лишь недавно перешедшие в лучший из миров, всегда оставались для него эталоном добропорядочности, искренности и крепких семейных уз. Пусть они не достигли больших успехов в карьерном росте и попытках

выстроить собственный бизнес, но смогли дать хорошее, юридическое образование сыну, не смотря на тяжелые, перестроечные годы.

Времена родительского возрастного апогея, расцвета сил и интеллектуальных возможностей, на пике которого, желанным и единственным ребенком, Денис пришел в наш бранный мир, пришлось на эпоху общей истерии перестройки, эпохи вседозволенности и полного краха былых устоев.

Детство и раннее юношество Копылова, полные забот и испытаний, пришлось на восьмидесятые – девяностые годы. Это были годы небывалого застоя рассыпающегося под внешним давлением, изживающего себя социалистического Союза и целого десятилетия запустения, анархии и всеобщего развала ранней, постсоветской эпохи молодой России.

Как и все не прогнувшиеся, не дрогнувшие под ветрами перемен и испытаний выходцы со столь грозных времен Денис был очень твердохарактерным, волевым человеком, умея выискивать необходимый выход в самых трудных жизненных ситуациях, что неоднократно выручало его на протяжении всей жизни.

Если ритуальный бизнес Копылов строил долго, нудно, поэтапно, завоевывая свое место под солнцем среди множества аналогичных агентств ритуальных услуг, и относился к своему успешному творению не более чем к работе, то фотография лишь недавно стала приносить ощутимый доход, превратившись из простого хобби в весьма успешный, перспективный проект.

Часто, в ущерб собственным делам, добровольно вызываясь фотографировать юбилеи, банкеты и свадьбы друзей и знакомых, а также просто выискивая юных, перспективных моделей среди жаждущей славы молодежи, он подстроил под нужды фотостудии одну из приобретенных квартир.

Жанров, в которых работал Копылов, было множество – от обнаженной натуры, до горячо любимых Сибирских, простых красот, поэтому Денис являлся творческому миру Иркутской области весьма контрастным персонажем. Его рекламные страницы в социальных сетях пестрели разнообразными, яркими фотографиями.

На цифровых изображениях, в высоком качестве, были запечатлены как самые светлые моменты жизни, так и монументальные, холодные артефакты послесмертия, в специфических бизнес – альбомах, рекламирующих готовую продукцию.

Каждый кулик воспевает свое болото. Так и Копылов, зарабатывая деньги на человеческой смерти, невольно мешал в своих сюжетах холод и тепло, мрамор, и цветущую ветвь шиповника, покосившийся памятник и голубое, глубокое небо апреля.

Благодаря подобным контрастам самые маститые фотографы Братского района заметили его, вскоре приняв Дениса в свою профессиональную тусовку.

По счастливому стечению обстоятельств на первой из официальных творческих встреч, состоявшейся примерно в начале нулевых, которая была посвящена обмену опытом между опытными и молодыми специалистами, явившись туда по личному приглашению от одного из мэтров профессии, Копылов встретил любовь всей своей жизни.

Прекрасное, юное, рыжеволосое дарование именем Дарья, проходящая на тот момент рабочую практику в одном из институтов города, была скромна видом, но за тихим, тенистым фасадом и кошачьим блеском зеленых глаз klokотали самые настоящие океаны чувств и эмоций.

Дарья, явившаяся на встречу в качестве постоянной модели, развивалась многогранно, поэтому и сама тратила уйму времени на поиск удачного кадра, порою, не уступая в видении мира самым продвинутым профессионалам.

Денис, который во внешних проявлениях был собран и малоэмоционален, внутри славился открытостью с близкими людьми и широкой душой. Он буквально кожей почувствовал

духовную общность с понравившейся девушкой, к счастью оказавшейся свободной, совсем скоро связал свою жизнь узами брака, после недолгого периода ухаживаний и первой страсти.

Копылов не ошибся с выбором. Дарья, особо не избалованная жизнью и прошлыми отношениями, ни смотря на солидный достаток мужа и перспективы стать профессиональной моделью, все же связала свою жизнь с наукой, с тем высшим учебным заведением, где проходила практику, достигнув к моменту начала этой истории, почётной должности заместителя декана.

Жена Дениса всю себя видела в дальнейшем продвижении и развитии дорогого сердцу дела, на долгое время, позабыв магию удачного кадра, реализовав себя для многих в сфере углубленного изучения психологии. Работа отнимала у нее чересчур много времени и сил, чтобы сохранить на неизменном уровне другие начинания.

К счастью занятость партнеров никак не сказывалась на семье. На данный момент, по достижению солидного стажа совместной жизни, успешный во всех смыслах Денис, и практически достигшая желаемой вершины карьерного роста Дарья, успели на четвертой пятилетке совместной жизни, взрастить в любви и заботе двух прекрасных детишек: мальчика и девочку.

Взрослый, спортивный сын Иван, шестнадцати лет от роду, вечно разъезжающий по спортивным соревнованиям огромного, северного региона России, по более твердому характеру и утонченной внешности, которая так не вязалась с талантами успешного дзюдоиста, более походил на мать.

Однако маленькая, стройная как плакучая ива над водой, звонкая, бойкая девочка Арина была, как говорится «папиной дочкой» и в своем детском поведении практически полностью переняла повадки отца. Она только недавно перешла в пятый класс, и являлась уменьшенной и более красивой копией своего родителя, неизменно радуя любящего отца хорошими отметками и успехами в игре на скрипке.

Не щадя себя в гонке к успеху, часто забывая собственные потребности и начинания, Денис, обеспечив полноценно финансовые потребности любимой семьи в кои-то веки решил реализовать собственную мечту о тихом и уютомном гнездышке, надежно сокрытом от глаз надоедливых и любопытных соседей.

Не являясь любителем охоты или рыбалки, но посвятив огромную часть свободного времени терпеливому поиску удачного кадра, Копылов истово жаждал найти в запустении и тиши новый виток творческой деятельности, не раз попробовав увидеть достойную натуру в красотах Сибирского края.

Окрестности Братска, Иркутска, великий и грозный Байкал, Красноярские столпы были излазаны вдоль и поперёк и зафиксированы на жёстком диске фотографа, но не этих общепризнанных красот жаждало контрастное, часто противоречивое в творческих потребностях, сердце.

С развитием собственного стиля у Копылова выделилась и развилась еще одна замечательная черта. Видеть красоту в незримом, неказистом, зачастую мёртвом, заброшенном, увядшем и холодном – вот в чем действительно раскрылось его творческое предназначение к моменту начала повествования.

Сюжеты фотографий плавно, естественно изменились к возрасту зрелости, став комплексными, глубокими, наполненными.

Покосившиеся заборы на фоне туманных холмов. Замёрзшая, покрытая снегом, не примечательная для обывателя ветка ссохшейся рябины. Сгорбившийся рыбак, мирно дремлющий на коробе над лункой на пустынном берегу Братского ВДРХ. Потрёпанный, выдавший жизнь чёрный кот, спрыгивающий с мусорного бака с неказистой добычей в зубах.

Эти моменты и многое, многое другое, сопутствовавшее часто сиюминутному настроению Копылова, являлись именно теми сюжетами, которые действительно трогали внутреннюю натуру творца, превращая его изыскания и личность в довольно самобытное явление на поприще фотографического искусства.

Стоит ли говорить, почему его душу всегда тянуло в деревенскую глубинку, выискивать забытые Богом места?

Идеальным местом, соответствующим запросам, в его воображении всегда оставался дом дедушки и бабушки, стоящий на отшибе небольшого населенного пункта, со странным, древним названием Бамбуй, которое брало свое начало, видимо еще со времен непокоренной, дикой Сибирской земли.

В этом месте Денис с наслаждением проводил летние каникулы, избирая его местом своего неизменного, безальтернативного отдыха до достижения «солидного», как казалось через призму юношеского максимализма, шестнадцатилетнего возраста, выискав в соседней деревеньке множество добрых друзей и первую, но несчастную любовь.

Только с истечением времени Копылов понял, почему родители столь рьяно выпроваживали его в захолустье, предоставив на летние месяцы фактически самому себе.

Большой огород подле дома, несколько коров и легкая доступность дешёвых, деревенских продуктов в девяностые годы казались житейским раем и именно поэтому работающие, жизнелюбивые, неусыпно следящие за хозяйством дедушка и бабушка сохраняли хоть какую-то видимость достатка.

Дед Дениса, передав по природному обыкновению, через поколения гены своему внуку, был также черноволос, крепок и крупен телом, видом своей деятельности избрав сельское хозяйство.

Самое смешное, что в прошлом, прожжённый работяга и ярый комсомолец, Константин Георгиевич Копылов, по его собственным словам, пробовал себя на поприще священнослужителя в далекой Владимирской области, в момент «оттепели», когда к порицаемой религии стали относиться чуть проще.

Своевольный и сумасбродный дед, однако, долго не выдержав монастырской муштры и «ушёл в мир», встретив в скитаниях по романтической Сибирской земле свою любовь, куда успешно зазывала молодых людей советская пропаганда за длинным рублем и приключениями.

Полностью тернистый путь своего супруга, не знала даже жена, в шутку называя Константина то «шпионом», то «чекистом» за тотальное нежелание погружаться в собственную историю. Выспросить какой либо факт из его биографии было дело чрезвычайно трудное, неблагоприятное, поэтому доподлинно о дедушке Денис знал разве что начальную и конечную часть повествования, где он представлялся довольно набожным и мирным селянином, всецело занятым добычей пропитания и собственными коровами.

Однако стоило Константину Георгиевичу снять футболку и взору открывалось мускулистое, загорелое тело, во множестве покрытое самыми разнообразными шрамами всех сортов и размеров, что неизменно создавало за дедушкой ореол загадочности и героизма.

Жена Константина и бабушка Дениса познакомилась с супругом в середине шестидесятых годов. Молодая медицинская медсестра, а в дальнейшем успешный и уважаемый врач – терапевт районной больницы Валентина Александровна Копылова, поделила все трудности и тяготы семейного пути, терпеливо приняв и многие странности супруга, став надежным плечом и крепким тылом для своего мужа.

Дом на отшибе Бамбуя, доставшийся молодой паре по большому благу, был добротен и собран из цельных, лиственничных стволов деревьев еще в годы лагерного раздолья. В столь отдаленных от центра, полудиких и в XX веке, землях, все строилось с размахом, с душой, не жалея сил и ресурсов, поэтому дом напоминал скорее одноэтажный терем, чем стандартную, крестьянскую избу.

Денис не раз слышал от деда, что огромные хоромы в четыре просторные, светлые комнаты с двух печках смотрящих топками друг на друга в широком коридоре, с кухней, кладовой и пристроенной позже, крупной, солнечной верандой заключенные возвели для начальника одного из местных лагерей ГУЛАГА. Стройка закончилась еще в начале пятидесятых

годов, когда печально известный архипелаг только разрастался вдоль железнодорожных путей и дорог, ведущих на Колыму.

За время долгой жизни монументального строения, в четырех стенах на протяжении полувека успели пожить и писатели, и политики, и простые рабочие, пока дом не перешел в собственность предприимчивого и дальновидного деда Дениса, который выкупил его у прежних хозяев за символическую сумму, буквально перед самым началом злополучной перестройки.

По своему расположению дом находился на вершине высокого, покрытого густой травой холма, когда-то служащего обрывистым берегом засохшему руслу древней реки.

Вода давно проложила другую дорогу, выстлав в результате неизвестного катаклизма русло сквозь чернозём и породу в стороне от сохранившихся обрывов древней старицы, поэтому строение занимало наивыгоднейшую позицию с точки зрения фотографа. С солидной вышины холма благодатная местность позволяла вдоволь любоваться окрестными, густыми лесами, за широким полем, менявшимися в угоду каждому из четырёх сезонов, и неторопливым течением недалёкой реки.

Не все было гладко в сим замечательном, дородном месте, где время, словно бы и не заметило, перехода в новые, рыночные отношения целой страны.

Жизнь иногда преподносила и неприятные сюрпризы Копылову – младшему.

Своеобразным напоминанием о временах бурной молодости, проведенной в деревне, на затылке Дениса навсегда остался неровный, изогнутый шрам от страшного удара, о происхождении которого он не помнил совершенно ничего.

Рассекая теменную часть головы, неровный спрут ранения диковинного ранения растекался по коже, прочно впившись своими более мелкими ответвлениями в голову Копылова.

Это напоминание имело некую символическую двоякость в своей сути, как и большинство вещей и событий, окружавших бизнесмена в работе и быту: Денис прекрасно понимал, что получил его уже после того, как голубоокая, крутобёдрая девчонка, махнув толстой косой перед его лицом при развороте, дала понять, что избрала не его объектом любви.

Помнил он и о том, что стойко выслушав отрицательный ответ, уйдя от сверстников огородами, бросился, куда глядят глаза, чтобы избежать расспросов от бурной, подростковой компании, на глазах у которой разыгралась детская драма первой любви.

Помнил Копылов и о том, как углубился в лес, увлекая своим стремительным бегом за собой близкого товарища Сергея Голышева – первого гитариста на деревне и единственного человека, заметившего его странные манёвры, не смотря на увлеченную игру на излюбленном, музыкальном инструменте...

И как упоминалось выше, не помнил Денис только сам момент получения шрама. Его уже нашли в таком состоянии встревоженные взрослые во главе с дедом Константином, озабочившиеся его долгим отсутствием. Слабый и изломанный Копылов лежал среди мшистых кочек неподалеку от берега черного, непроходимого болота, в котором видимо навсегда сгинул его добрый друг детства, пытающийся спасти его от опрометчивого шага в бездну.

Тело друга так и не нашли. Сергей стал еще одной неисчислимой жертвой воистину «Чёртового места», как любил называть Константин Георгиевич эти злополучные места.

Именно он, по счастливому стечению обстоятельств умудрился первым обнаружить внука на окраине болота. Константин не очень любил вдаваться в подробности этого спасения, неизменно приговаривая, что рана, глубоко повредившая ткани головы, и, Слава Богу, без последствий затронувшая мозг подростка, уже была на Денисе в момент обнаружения, а Сергея уже не было рядом.

Похороны друга были символическими, скорыми – никому не хотелось надолго задерживаться у берега злополучного болота, порождавшего, исторгающего из себя волны комаров и мелкого гнуса. Деревенские мужики просто наскоро поставили памятник на окраине гиблого

места и приделали к ближайшему, иссушенному дереву венок, отмечая место последнего пребывания сгинувшего товарища.

Копылов хоть и погоревал несколько месяцев о невосполнимой потере дорогого товарища, все – же потихоньку восстановился духовно и физически после жуткой травмы.

Живой и гибкий юношеский ум, в очередной раз сменив деревенскую обстановку на городскую, довольно ловко, в тайне от собственного хозяина, задвинул жуткий инцидент на блокируемые задворки памяти. В середине осени живой, и улыбчивый Копылов оказался полностью поглощен учёбой и подготовкой к предстоящим экзаменам.

Только иногда, с приходом особенно глубокого сна, лишь слабые образы случившегося прорывались в реальность разве что странными, беспокойными снами в настоящем моменте Бытия. В полночных грезах, бледный, полуиссохший и мертвый Сергей, сжимая изломанную гитару без струн, неизменно ждал Дениса на берегу болота, возле покосившегося и облупленного памятника, за которым никто более не ухаживал, по колени, увязнув, застыв в грязно – зеленой, отвратно пахнувшей жиже прибрежной полосы.

Ждал он напрасно, друг так и не посетил его, поглощенный новыми проблемами. Зимой дед Константин тяжело захворал, застудивший на рыбалке и очень скоро слег, быстро сжигаемый воспалением легких изнутри. Ненадолго его пережила и бабушка, не желая оставлять супруга одного и в посмертии.

Хоронили дедушку и бабушку там же, на старом кладбище Бамбуя, без присутствия Дениса, который в этот момент проходил учёбу на первом курсе института в славном, большом городе Красноярске и не смог вырваться на похороны из-за банального отсутствия средств.

Дом, в увядающей деревеньке, родители Копылова на удивление продали очень быстро и легко. Женщина – покупатель даже не торговалась, забрав добротные хоромы за выставленную цену, предоставив в придачу к недостающей сумме небольшой ларец, полный древних, серебряных и золотых украшений, которые были реализованы и переведены в деньги чуть позже, что позволило родителям Дениса беспрепятственно доучить сына, оплачивая все его расходы вплоть до защиты диплома.

После скорой смерти Константина Георгиевича и его супруги, а также последующей продажи дома необходимость визитов в деревню у оставшейся во здравии родни окончательно отпала.

Жизнь закрутила Копылова водоворотом дел и обязательств. Денис окончил институт и незамедлительно ушел в армию, отдавать долг Отечеству на целых два года, откуда вернулся в звании старшего сержанта инженерных войск. Анна же и Вячеслав были полностью поглощены работой, цепляясь за веяния нового времени, постепенно вставая на ноги в годы плавного расцвета Новой России.

Им даже удалось открыть небольшой кафетерий, приносящий стабильный доход супругам и организовать несколько платных стоянок на территории города. Но потом случился широко известный кризис и этот маленький, семейный бизнес пришлось продать, чтобы не превратиться в банкротов под кредитным ярмом банков.

Поэтому Копылов, взявшийся незамедлительно улаживать пошатнувшиеся дела семьи, уже много лет не навещался в Бамбуй, не находя стоящей причины, кроме как постоянно откладываемого посещения явно запущенных могил родни, неизменно оставляя работу по облагораживанию захоронений на потом.

Сапожник всегда ходит без сапог – подобная, народная мудрость была как никогда применима к владельцу одного из самых крупных ритуальных агентств, который уже очень и очень давно не навещал запущенные могилы усопших.

Этому способствовала и другая, более постыдная причина – не присутствуя из –за отъезда на похоронах дедушки и бабушки, Денис банально не запомнил, где были расположены могилы родни, а расспросить у родителей более подробно он как то не удосужился.

Денис, однако, в тайне лелеял надежду о своем триумфальном возвращении в дорогой сердцу населенный пункт, надеясь обнаружить в полной неизменности старый дом на холме и вновь испытать те светлые, любовные чувства по отношению к чистым, практически нетронутым просторам березовых и сосновых лесов, окружавших Бамбуи и дом.

Как вы видите, о любой семье можно рассказывать часами. За любой, даже самой неприметной жизнью кроется множество интриг, потуг, чаяний и эмоций. Что же говорить о семье, чьи характеры никогда не позволяли унывать даже в самых неблагоприятных условиях существования?

Род Копыловых не прервался, продолжаясь во времени и продолжал расти, подобно крепкому кусту, ветвясь и неизменно вытягиваясь к свету. Поколения сменили поколения, эпоха сменила эпоху, и все бы шло по накатанной колее, если бы не череда событий, затронувших безбедное, сытое существование успешного семейства.

Глава 2. Мысли материальны

Материализовавшимся ответом на текущие желания Копылова, ему попало объявление, случайно обнаруженное среди просторов интернета, где Денис выискивал выгодную недвижимость для финансовых вложений в условиях нового кризиса.

Определенный финансовый излишек скопился на счетах бизнесмена и требовал физической реализации в нестабильной, экономической обстановке на территории государства.

Среди множества предложений агентства по продаже недвижимости Копылову мимоходом в глаза бросилось хорошо знакомое изображение дедовского дома и желанная, физически осязаемая надпись под ним, гласившая, что недвижимость «продаётся», вместе с контактным, сотовым телефоном продавца.

Цена была смехотворна по меркам успешного человека – шестьсот тысяч за мечту было не жалко отдать. Японский внедорожник, на данный момент, находящийся в собственности бизнесмена, стоил в четыре раза дороже и был куплен мужчиной не в кредит.

Этими планами Денис с упоением делился с одним из многочисленных товарищей, а также, по совместительству одним из множества бизнес партнеров, медленно пробегая очередной круг теплым, сентябрьским деньком по прогретой, резиновой дорожке стадиона «Металлург».

Черный спортивный костюм с белыми полосками и синие кеды удивительно подходили к его крепкой фигуре, подчеркивая и выделяя широкие плечи, а ровный, неторопливый, полный достоинства баритон красочно описывал запыхавшемуся товарищу предстоящую покупку:

– Знаешь, как я скучал по реке? Как представляю, что вновь выйду на тёплые, согретые солнцем, пахнущие деревом доски крыльца, вглядываясь в искрящуюся гладь извилистого, перекатистого русла, то душа в пляс! Детство, брат, оно такое. Настоящее, чистое, неизменное.

– Угу, – буркнул менее подготовленный, раскрасневшийся, явно более слабый спортсмен, уже с раздражением поглядывая на дорогие часы на руке, – Ден, как ты так можешь? Бежать и не замолкать? И хоть бы дыхание сбилось, но нет – все прёшь и прёшь кругами, как локомотив. Тебе даже твой насморк не помеха?

– Эйфория, Семён! Эйфория... Ощущение успеха, – вымолвил Копылов и остановился, понимая, что партнёр на пределе сил, – знаешь, как говорят, мы все хотим вернуться в дорогие места, чтобы осознать, насколько сильно мы изменились сами. Я как белка в колесе, много лет пашу не покладая рук. Хватит! Я заработал столько, что до конца жизни моей не потратить. Нанимаю управляющего для бизнеса и хожу на пенсию. И всецело отдаю себя только тайнству фотографии!

С этими словами Копылов достал из кармана штанов скомканный, синий платок, и, оглянувшись, чтобы никто не заметил эту интимную процедуру, прочистил нос, брезгливо выкинув использованную тряпку в урну, расположенную для удобства спортсменов неподалеку от беговой дорожки.

– Реально? – удивился Семен, тираде своего партнера, растягивая ноющие ноги неторопливыми наклонами, которым мешал довольно крупный, выпуклый живот мужчины. Подобное заявление Копылова заставило его пружиной распрямиться в полный рост, на секунду оторвавшись от упражнения – это ты-то на покой? Да ты же трудоголик! Ты не сможешь...

– Смогу Семён! Еще как смогу, – четко, будто бы принимая пари, ответил товарищу Денис, – кто я? Тварь ли, дрожащая или право имеющий?

Понимая, что подобным, риторическим вопросом он окончательно поставил недалеко-видного, но хватистого в делах Семёна в тупик, Денис поспешил прояснить ситуацию:

– Жизнь ведь она не только в бабках, брат. Не только в работе. Я имею полное право отдать остаток своих дней на алтарь чего-то большего, чем очередной «лимон в кармане», – и, спохватившись, добавил уже более торопливо – Ладно, прости брат, пора бежать. Аринку с музыкальной школы нужно забрать и домой. К жене.

– А в душ? А обсохнуть? Ты итак простывший весь!

– Пустое! Дома помоюсь! – отмахнулся от друга Денис, и легко перепрыгнув через небольшой, чугунный забор, ограждающий беговую дорожку от входа на стадион, выбежал на открытую парковку перед многометровыми воротами парадного входа, на ходу пикинув брелком сигнализации от большого, крупного и дорогого внедорожника черного цвета одной из излюбленных японских фирм.

Умная машина, повинаясь нажатиям клавиш брелка, послушно завела не успевший остыть за время пробежки мотор, щелкнув запорными замками четырех дверей. Настроенная под хозяина магнитола мигнула сенсорным экраном, запуская хорошо известный трек группы «ДДТ»

Желтые листья близлежащих тополей, успели и за столь короткое время довольно плотно усыпать чёрный капот внедорожника, что заставило Копылова несколько минут потратить на то, чтобы осторожно стряхнуть щеткой с капота нежелательную растительность, символизирующую всеобщее увядание природы и переход на новый цикл.

С наслаждением вытащив из вскрытой пачки новый носовой платок, неизменного, синего цвета, который он так любил, Денис, практически на ощупь, управляя небольшим, удобным смартфоном, выбранным, как говорится, «по руке владельца», не глядя нажал на иконку дочери, вызывая ее на разговор:

– Алё! – не по-детски серьезный голос ответил без промедления. Такова была излюбленная манера дочери вести разговоры. К ней успешно можно было применить распространенный эпитет «маленький взрослый»

– Как игра на скрипке, Арин? Уже всё?

– Уже полчаса как всё, папа! – Арина, находясь в легкой степени возмущения и очень не любила, когда родители задерживались, не предупредив, – ты, где пропадаешь?

– Бегаю! – сам того не замечая начал оправдываться взволнованный отец, между тем аккуратно вырубивая на полупустую, проезжую полосу, – буду через десять минут максимум, – и заискивающе добавил, – Ну, прости уж старика! Папе нужно держать себя в форме для твоей мамы.

– Понимаю, – вздохнула девочка на том конце провода, – поэтому и сижу. Жду. Все прочие дети уже разбрелись. Я одна... всё, бросай трубку. Будь осторожен за рулем.

– Хорошо, спасибо за понимание, доча.

– Было бы за что, пап.

Экран мобильного устройства высветил иконку «вызов завершен» перед тем как уйти во мрак режима ожидания.

Быстро стемнело. У осеннего вечера, даже самого солнечного и безоблачного, вообще имелось странное свойство в мгновение ока превращаться в самую настоящую, прохладную тьму глубокой ночи.

Именно поэтому Копылов и простыл. Полторы недели назад он посмел опрометчиво поверить теплому солнышку бабьего лета и, задержавшись в гаражном кооперативе, где его рабочие производили памятники и оградки, не заметил, как попал в объятие стылых сумерек, с раздражением отметив легкую боль в гортани по возвращению домой.

Впрочем, лечиться времени особо не было и нужно было сказать, что обострившийся насморк беспокоил больного на протяжении практически всего лета, отравляя ночной отдых небольшой заложенностью то одной, то другой ноздри.

Вот и сейчас, по наблюдениям Дениса прошло совсем мало времени между его выходом с закатного стадиона и тревожным, уличным светом фонарей на фоне утопающих в звездной темноте, смолкающих улиц родного города.

Братск – город его детства, особенно ближе к вечеру, казался Денису малоприветливым местом. Впрочем, как и Иркутск, Красноярск и любой другой город, где он бывал по зову дел. Копылов вообще искренне считал, что темное время суток лучше всего встречать дома, с семьей, а не таскаться абы, где и с кем попало, чтобы не нажить нежелательных приключений и неприятностей.

Он не боялся драк и склок. Часто бывал бит и не менее часто бил. Просто на излете третьего десятка лет видел совершенно иные ценности и приоритеты, чем доказывание кому бы то ни было своего физического и духовного превосходства в бытовом, ненужном конфликте.

Многие считали иначе. У открытых до позднего вечера дверей пивнушек роились непонятные, серые люди, превалирующие одетые в потасканную спортивную одежду и глубоко накинутые на голову капюшоны. Некоторые из них удобно расположившись на бетонном крыльце одного из заведения, «не отходя от кассы» дегустировали третьесортные спиртные напитки, жадно сопроводив глазами чёрный внедорожник, блеснувший под фонарями чистым, серебряным узором литых дисков.

Кожей Денис почувствовал, как собравшиеся люди обсуждают и осуждают его успех, не предпринимая при этом никаких шагов к собственному достатку. Копылов прекрасно знал эту натуру – вечно, долго и нудно говорить ни о чём, вина всех, кого только можно винить в собственных бедах и неудачах.

Под раздачу злых языков попадали все – и правительство федерации, и родители, и жёны, и даже маленькие дети, родившиеся, по мнению несостоятельных отцов в крайне невыгодный момент.

Отражением его мыслей, буквально на глазах, под сенью полуопавших деревьев несколько мужчин крепко костерили друг друга, толкая тела оппонентов непослушными руками.

«Обычная бравлада» – подумалось наблюдательному Денису, который про себя отметил, что весь этот фарс был рассчитан на стайку женщин, сидящих на лавке неподалеку и увлеченно наблюдающих за конфликтом мужчин, – «просто довольно глупый способ привлечь к себе внимание»

Конечно, Братск не везде был таким. Просто в некоторых кварталах, отдаленных от центра, в глухих, непролазных дворах, все еще чувствовалось тошнотворное влияние «бандитской эпохи», вырывающееся наружу. Эта ужасная эпоха, прежде всего, проявлялась в людях, отстающих от требований и вызовов настоящего времени лет этак на десять – пятнадцать.

«Рудиментарные отростки» – хмыкнул про себя Копылов, перестраиваясь на соседнюю полосу, – «рано или поздно вы просто канете в небытие, будто бы вообще не жили на белом свете»

Не смотря на полное нежелание конфликтов, тем не менее, в бардачке автомобиля предусмотрительного и готового ко всему Дениса, всегда можно было обнаружить травматический пистолет и баллончик с перцовым газом, чтобы максимально успешно наказать потенциального обидчика, не причинив последнему смертельного вреда.

Копылов, обладая юридическим образованием, как никто другой понимал, насколько не лояльны законы Российской Федерации к людям, находящимся в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости.

Обороняющийся гражданин, под испытующим взглядом судьи, чересчур часто превращался в жертву правосудия, «в преступника», достойного порицания и самого строгого наказания, необоснованно получая за попытку защитить свою или чужую жизнь, честь и достоинство, вполне реальные сроки.

Поэтому и оружие приходилось подбирать останавливающее, шоковое, больше влияющее на противника психологически, нежели наносящее ощутимый, физический урон.

Недолгая дорога подходила к концу. Неторопливо и внимательно проехав несколько перекрестков с вялым, вечерним движением, дорогой внедорожник подрулил к чугунному, витиеватому забору, за которым скрывалось двухэтажное здание, выполненное в неказистом стиле массовой, советской застройки из красного кирпича, являющееся местом дислокации довольно знаменитой и уважаемой музыкальной школы.

Черный внедорожник, отразив чистым, намытым капотом свет горящих окон близлежащих домов, мягко прошуршав шинами по свежему асфальтовому покрытию, легко поднял при плавном торможении из-под колес целую стайку желтых, тополиных листков, которые немедленно, играя, подхватил и унес во мрак подворотен легкий, осенний ветерок.

Небольшие, трехместные, скрипучие качели, стоящие во дворе заведения еще чуть ли не с дедовских времён, когда музыкальная школа была обычным детсадом, всегда были излюбленным местом ожидания родителей для Арины.

Там отец и обнаружил ее, задумчиво уставившуюся в звездное небо большими, карими глазами, по неподвижной поверхности которых, отражаясь, в последних отблесках далекого, таящего заката, мерно текли перевернутые изображения свинцовых, разрозненных облаков, обещавших к утру вылиться в самую настоящую бурю.

Хорошенькое, миловидное личико ребенка обрамляла копна длинных, прямых, чёрных волос, доставшихся ей в наследство от отца. Стройная как тростинка, одетая в легкий, спортивную курточку и джинсы Арина выглядела немного старше своих лет и видимо уже покорила своей красотой сердца многих сверстников.

Сердобольного отца всегда брала оторопь только от одной мысли о том, что когда-нибудь она окончательно повзрослеет и приведет в дом своего избранника – худшая пытка для действительно любящего родителя.

– Просил же ночью ждать меня внутри, – смахивая неприятное наваждение грядущих дней, беззлобно проворчал Денис, присаживаясь на качели слева от дочери.

– А ты не затягивай с приездом и я не буду выходить, – резонно возразила Арина на замечание отца, – В здании скучно, да и сторож плохой собеседник. Мне хватает времени проведенного за скрипкой, чтобы стены этого здания стали мне в тягость.

Копылов улыбнулся. «Ох уж эта манера дочки рассуждать как взрослая» невольно, без теплой грусти, подумалось отцу, – «взрослеют много быстрее, чем мы успеваем отследить изменения».

– Как простуда? – поинтересовалась дочка, внимательно взглянув на отца, подсевшего рядом, – насморк все также беспокоит? Не пора ли к врачу? Уже почти третий месяц шмыгаешь. Раздражает...

– Да пока рано, – улыбнулся Денис, вновь коснувшись платком раскрасневшегося носа, – терпимо пока.

– Ну-ну... Терпимо...

Иногда Копылов даже искренне верил, что подле него находится равновозрастный собеседник, но отчего-то поселившийся в теле ребенка.

«Иван не такой. Все еще пребывает в детских грезах и предпочитает драться, а не грызть гранит науки или приобщаться к искусству». В отличие от матери, Денис был приверженец полной демократии в воспитании молодого поколения. Дарья же мыслила совершенно иначе, чутко следя за планомерным, разносторонним развитием детей.

Вновь, незаметно для себя провалившись в мысли, Копылов стал разглядывать жёлтые окна местных многоэтажек, глубоко задумавшись о простых, мирских вещах. За каждым окном семья со своей историей. Живут. Растут и растят. Рождаются и умирают. Удивительный

круговорот жизни и смерти. Никто не в силах противостоять ей. Ни он, ни грядущие поколения. Это удручало.

По долгу работы Денис часто видел смерть. Поддерживая контакты с центральным моргом города, Копылов часто заезжал туда, хорошо познакомившись с местным, престранным, но забавным патологоанатомом, и благодаря ему часто видел неприятные последствия смерти, а наработанные связи в рядах полиции позволяли именно его сотрудникам ритуального агентства первым приезжать на труп, для дальнейшей работы с телом.

Его воображение почти не трогали сморщенные, иссохшиеся тела стариков, но всегда до глубины души цепляла несправедливость преждевременной кончины молодых людей.

Именно в такие моменты ощущалась вся непередаваемая хрупкость жизни, заключенной в тело человека и бездумное, чаще всего глупое распоряжение ею в рядах детей и подростков.

Как любил говорить хорошо знакомый ему патологоанатом:

– Несчастных случаев практически нет. Есть случаи тупости. Не пристегнулся в машине и вылетел в лобовое стекло – тупость. Не закрепил должным образом страховочный ремень при высотных работах – тем более тупость. Полез на вагон под контактный провод для удачного кадра – вообще имбецил. Вот и выходит, что девяносто процентов погибают по собственной глупости.

Молчание между тем затягивалось. Очень не хотелось садиться в душный салон автомобиля. Хотелось дышать полной грудью и любоваться свечением живых и теплых окон.

«Интересно, про что думает дочь?» – Денис мельком, не привлекая внимание, склонился на девочку рядом.

Арина глубоко и ровно дышала, будто бы спала, но глаза являли такую ясную отрешенность от сиюминутного, что чувствовалось, как не по годам развитая дочь рисует перед своими очами незримые горизонты грядущего дня.

По мнению Копылова, торопить столь пикантный момент не следовало. Он мог никогда и не повториться.

Поздний вечер осени удивительным образом пронизывал каждую клеточку его естества, позволяя успокоиться суетливым мыслям, роящимся внутри черепной коробки. От необычных переживаний слегка закололо шрам на затылке, приводя очарованного отца в чувство.

Вдоволь насидевшись на скрипучих качелях в нетягостном, лёгком молчании, более взрослый и собранный Денис, повинувшись веянию уходящего времени, все же, через усилие воли, решился прервать его:

– Поехали, а то мама волноваться будет. Итак, задерживаемся.

– Я ее уже предупредила, что ты забегаешь на стадионе с Семёном. Так что все «на мази»

– Выражение то какое, – хохотнул Денис, – «на мази»! И что бы я без тебя делал? – он улыбнулся, легко поцеловав дочку в румяную щечку, и собственным примером увлек ребенка за собой.

Глава 3. Главней всего погода в доме

Дальнейший вечер ознаменовался стандартным набором мероприятий для Дениса.

Поздний ужин в семейном кругу, неторопливый, горячий душ, чтобы распарить уставшее тело и расслабить разум (Копылова всегда успокаивал звук текущей воды, поэтому он никогда не экономил на этот ресурсе).

Затем неизменное пожелание хорошего сна дочке с нежным поцелуем в лоб, и чувствуя легкую грусть по отсутствующему Ивану, глава семейства, с наслаждением вытянул ноющие после бега ноги, наконец-то поддавшись страждущим телом сладостному притяжению мягкой, двуспальной кровати.

– Ты назначил встречу с продавцом на завтра? – спросила мужа Дарья, в полном обнажении проделывая перед сном все те многочисленные женские ритуалы красоты, позволяющие наперекор веянию времени еще долго оставаться свежей и юной.

Бояться было некого, не смотря на незапертую дверь – Алина давно и крепко спала у себя в комнате и не имела привычки бесцельно слоняться по ночам, по своему обыкновению засыпая очень и очень быстро, намотавшись за день. Поэтому пользуясь временным отсутствием сына, родители не страшились собственной наготы.

Хорошее освещение спальни, созданное благодаря натяжному потолку с множеством встроенных светильников и большое зеркало резного трюмо отделанного под антиквариат, отражающее это свечение, выгодно демонстрировало Денису фигуру любимой женщины со всех сторон, подчеркивая притягательные изгибы, выпуклости и впадины в самых нужных местах.

Дарья прекрасно знала скрытые свойства этого предмета интерьера, а поэтому неторопливо крутилось подле него, не упуская случая подразнить собственного мужа перед сном.

Трудно было даже предположить, не зная фактов из жизни, что супруга Дениса являлась состоявшейся и любящей мамой, что она уже явила на свет двух детей – настолько был подтянут ее загорелый живот, оканчивающийся длинными, стройными ногами. Бедра, ягодицы и спина женщины по-прежнему казались литым массивом небольших, крепких, очерченных упражнениями, мышц, никак не мешающих женственному образу жены, а только еще больше усиливавшими его.

Стоит ли еще раз говорить, что именно Дарья оставалась для Дениса неизменной, любимой моделью, чью красоту он успел запечатлеть со всех сторон за долгий стаж семейной жизни? Архив семейных фотографий, в том числе и интимного плана, давно перевалил за несколько десятков гигабайт на жестком диске опытного фотографа.

Жена, даже после солидного стажа совместного проживания, по сей день оставалась желанной для мужа. Даже молодые поклонницы, по долгу бизнеса часто роящиеся рядом с видным, состоявшимся мужчиной не могли смутить его решимость прожить с этой женщиной до конца своих дней.

Легкий флирт – вот что максимум позволял себе Копылов по сей день. Легкий флирт и ничего более. Впрочем, даже за мимолетное проявление внимания к чужой особе, Копылов неизменно получал «по шапке» – сказывался ревнивый характер супруги.

Содержать себя в форме давалось нелегко для супруги. Ни смотря на сильную занятость работой и семьей, Дарья исправно несколько раз в неделю посещала спортивный зал, иногда с мужем, иногда одна. Последнее неизменно вызывало острый укол ревности уже со стороны Дениса, однако, в то же время, не позволяло ему расслабиться и потерять форму.

Выискивать выгоду в каждой ситуации, в каждой эмоции являлось еще одной неотделимой чертой характера Копылова, поэтому ревность мужчины умело перенаправлял в неувядающую страсть, что благоприятно сказывалось на интимной жизни пары.

К тому же мотивированный отличной формой супруги, Копылов из раза в раз, не смотря на усталость трудового дня, гнал себя на физкультурные подвиги, стараясь, во что бы то ни стало не ударить в грязь лицом перед её зелеными очами.

Нужно сказать, что подобная мотивация срабатывала. Прикрытый до пояса мужчина, вальяжно лежащий в кровати, не мог похвастать точеной фигурой греческого Аполлона, но был, как говорится у нас, в России, крепко спит и ладно скроен. В крупной, слегка медвежьей мускулатуре чувствовался большой труд, вложенный в собственное тело.

Сладко потянувшись и зевнув, Денис, слегка лениво оглядев супругу с ног до головы, залюбовался неувядающей красотой Дарьи, нежась в постели перед сном после долгого, наполненного дня.

Отрешенный, созерцающий нагую натуру, мужчина не сразу понял смысла, сказанного супругой:

– Я повторяю, ты назначил встречу на завтра? – зеленые глаза блеснули из-под нахмуренных бровей, и Дарья в пол оборота обернулась к мужу, вынимая тяжелые, золотые серьги из ушей.

Как истинная преподавательница Дарья жутко не любила, если возникала необходимость повторять сказанное.

– Да, да! – встреपенувшись, ответил Денис, – мы списались с ним еще днем. Завтра он будет в Братске, и мы обсудим все нюансы и условия продажи дома. Встретимся в кафе.

– Хорошо, – наконец – то удовлетворилась ответом Дарья, ловко нырнув в распахнутые объятия мужа, невесомо скользнув по поверхности шелковистых простыней, – все равно не понимаю, зачем тебе сдался этот дом? Такое отдаление от квартиры!

– Хочу, – честно и коротко ответил Денис, плавно проваливаясь в сладостную, оцепеняющую полудрему между бодрствованием и сном, – вот хочу и все. Манит меня в те места.

– Смотри, будь аккуратен! Чтобы больше шрамов на голове не добавилось! – стараясь разбудить супруга, Дарья довольно грубо потрясла раскрытой ладонью расслабленную голову Дениса, приводя его в чувство – Я не смогу с тобой поехать и все проконтролировать из-за работы. Придется самому все проверять.

– Не добавиться! Я всегда аккуратен, – попытался успокоить взволнованную жену, вернувшийся в наш мир, Денис, – к тому же еще все может сорваться. Ты же знаешь, я не иду на контакт с людьми, которые мне заведомо неприятны.

– Взял бы с собой кого. Семёна, например...

– Занят он. Встречи. Дела.

– Тогда Женю...

– Женю? Да этот врач, если так можно назвать патологоанатома, вообще с работы не вылезит. Сколько раз я ему предлагал помощь в открытии собственного дела! Не хочет. Говорит это его призвание...

– Давай не будем о нем на ночь глядя, – теплая ладошка, соскользнув с затылка мужчины, перекрыла Денису рот, – я знаю, что ты можешь долго рассуждать, но я хочу не этого.

Та же рука, перекрывавшая рот, плавно продолжила движение и медленно скользнула по груди мужчины, и сонный Копылов легко уловив игривое настроение жены, всем телом ответил на касание.

Ни смотря на усталость, мужчина немедленно принял игру. Усилием воли, окончательно отогнав сон Копылов крепко перехватив руку женщины, которая двигалась вниз уже в районе солнечного сплетения и, одним мощным рывком подкинув тело вверх, оказался сверху

женщины. Денис быстро занял агрессивную позицию над раскинутым, покорным телом жены, всем своим видом являя решимость, во что бы то ни стало закончить начатое дело.

С каждой секундой его решимость все больше проявляла себя в физическом, плотском естестве.

– Я волнуюсь, Денис, ты пойми, – зажатая Дарья и не думала сопротивляться напору доминирующего супруга, – Просто ты с этим домом как безумец носишься третий день. На тебя вообще не похоже.

– Все будет хорошо Даш! – улыбнулся мужчина, не смотря на волнение жены плавно покрывая шею женщины медленными поцелуями, – когда я буду уезжать на природу, у тебя будет намного больше личного времени для работы над собой. У тебя ведь целая когорта более молодых поклонников в тренажерном зале.

Раздраживая жену, произнося это Денис, поэтапно, не торопясь, с каждым словом спускался все ниже по направлению к упругой, небольшой груди, – и, давай пока не будем о делах.

– Давай! – еле видно улыбнулась женщина, – и что, что поклонников много? Тебе это мешает? Не сглазят ведь.

– Не сглазят, – согласился Копылов, тем временем добравшись до живота женщины, – но пусть держаться подальше от тебя, а то я...

– А то что? – легко рассмеялась Даша, ненадолго взяв мужа за подбородок и посмотрев прямо в глаза.

– А то я за себя не отвечаю, – весело рыкнул Копылов, переходя к более решительным действиям.

Глухой, томный стон вырвался из уст женщины, больше не позволяя ей вести осознанную беседу. Отныне её сознание погрузилось в область древнего, страстного ритуала, благодаря которому все человечество увидело белый свет.

Жизнь интересное явление. Она конечна, скоротечна, часто бессмысленна, но в то же время, во что бы то ни стало, пытается дублировать себя наперекор самой смерти и секс, помимо чисто плотских утех, всегда являлся для Дениса чем-то сакральным, тайным, позволяющим пристраститься к великой силе безмыслия.

Приглушенные звуки любви наполнили комнату, слегка вырываясь в коридор.

Как бледное, полночное привидение маленькая Арина, с закрытыми глазами проследовала мимо родительской спальни, не обращая внимания на неприкрытые действия родителей.

Она была бледна, нема и выглядела так, словно, не смотря на движение, продолжала пребывать в самом наиглубоком сне, доступном только малому дитя.

Слегка раскачиваясь из стороны в сторону маленькая Арина, медленно вышла на кухню и подошла к черному провалу большого окна, ведущего в узкий двор, расположенный между Братских многоэтажек.

Огромный, чёрный, молчаливый ворон, практически сливаясь с темнотой ночи, сидя на подоконнике за стеклом, лукаво блеснул бусинами глаз, разглядывая девочку наклонами большой головы, поворачивая к ребенку то одну, то другую сторону.

Маленькая ладошка ребенка прижалась к холодному стеклу и соскользнула вниз, оставляя горячий след из мелких, размазанных капелек пота. Арина, не раскрывая глаз, улыбалась, продолжая слегка раскачиваться из стороны в сторону.

– Уже скоро! – тихо шепнул ласковый, женский голос, льющийся из ниоткуда, – уже скоро! – повторил она, звуча словно бы со всех сторон, – иди, спи, маленькая Арина. Сила твоего отца и унаследованная тобой от него сила вернется в лоно, откуда вышла в мир. Спи маленькая Арина. Спи.

– Зачем ты прилетел? Тебя не было так давно – одними губами, беззвучно зашептала девочка, но была услышана странной птицей даже сквозь стекло.

– Дарить вещие сны, – уже мужским, тоскливым голосом ответил ворон, – твой отец забыл... Забыл что болото не отпускает свои жертвы. Ему пора начать путь домой. Он сам придёт за тобой. Сам... А пока спи, маленькая Арина. Тебя ждет иная жизнь. Вечная жизнь...

Договорив, Ворон бесшумно расправил крылья, взмывая в вышину. Вскоре и улыбающееся дитя проследовало восвояси, незамеченное собственными родителями.

Благодаря травме головы, Денис часто осознавал себя во сне. Вот и сегодня, оставив последние силы при выполнении супружеского долга, быстро и подконтрольно заснув (Копылов любил наблюдать за собственным сознанием, в момент засыпания), он обнаружил себя в дремучем, мертвом лесу, бесцельно идущим в неизвестном направлении по узкой, заросшей дороге.

Пространство осознанного сна всегда поражало Копылова своей кричащей ирреальностью. Размытые, перетекающие из образа в образ изображения объектов и людей. Расплывчатые, слегка искаженные звуки, будто бы доносящиеся из-под полога текущей воды. Станные, вездесущие сполохи света в воздухе и прочие артефакты изображения, проявляющиеся в виде серых и черных полос, мерцали и носились повсюду как при просмотре чёрно-белого кино на выдавшей виды, старой киноплёнке.

Стоило чуть дольше задержать взгляд в чашу, как все пространство в ней, начинало подергиваться тяжелым, серым туманом, истирающим объекты сна. Чтобы подольше оставаться в зоне осознанности, Копылову часто приходилось переводить взгляд на собственные руки. Этот прием он выучил, изучая информацию о тканях осознанного сна, и часто применял на практике.

Осенний, туманный лес был наполнен далекими выкриками людей и карканьем встревоженных ворон.

Как и бывает во снах, он просто оказался на дороге, не осознавая, как сюда попал и зачем пришел, а поэтому расслабился и, не позволяя подсознанию выбить себя в полное, неконтролируемое забвение, всецело отдал себя процессу наблюдения.

Он любил подобные проявления подсознания и свято верил, что каждый такой сон может раскрыть некие тайны собственного «я», что позволило бы Копылову лучше ориентироваться во внутреннем, спутанном мире собственной души.

Посмотреть было на что. Сегодня мозг особенно расстарался, вырисовывая прекрасную, сюрреалистическую картинку из иного времени.

Вечерний свет закатного, холодного солнца удлинял тени голых деревьев, пораженных неизвестной проказой. Деревья были полностью обнажены от листвы, иссушены, искривлены демоническим влиянием места.

Видимо, когда-то давным-давно в этих местах бушевало пламя, после которого природа не смогла окончательно восстановиться, оставив гладкие, почерневшие стволы великим памятником прошедшей стихии.

Место казалось до боли знакомым. Чувствовалось, что Денис уже был здесь. Однако, из-за разницы временного потока, окончательного узнавания не наступало. Отчаявшись локализовать свое местонахождение, Копылов просто расслабился, отдавшись потоку сновидения, которое постепенно стабилизировалось, не «вымыв» осознанность сновидца.

Колючий шиповник заполонил все обозримые пространства между искореженными стволами, ибо корни мертвых деревьев более не отнимали живительную влагу у кустов и сорной травы, во множестве произраставшей по обочинам дороги.

Шиповник богато ощерился прутьями и колючками между сосен и берез, образуя своеобразный, слегка извилистый коридор дороги, свернуть в сторону, от которого не было никакого желания благодаря густому сплетению игольчатых веток.

Сама дорога показалась Денису заброшенной, давно не хоженной, покинутой – блёклая и вялая трава густо покрывала поверхность просеки и лишь еле видимые, небольшие углубления древней колеи, показали Копылову истинное предназначение старой просеки.

В воздухе на интуитивном уровне чувствовалось легкое напряжение. Спустя несколько минут бесцельной ходьбы, несколько раз изменив направление движения вместе с петляющей дорогой, Денис обнаружил его источник. Из-за очередного поворота показался небольшой отряд в семь измученных белогвардейцев, облаченных в измятую, грязную, потасканную форму.

Отряд быстро шёл вперед и по взопревшей, побелевшей от пота, ткани бледно-зелёных гимнастеров и натужному, прерывистому дыханию бойцов, Копылов понял, что представители данного подразделения давно находятся на пределе физических возможностей человека.

Хорошо знающий историю, начитанный Копылов легко идентифицировал принадлежность бойцов и ни за что бы в жизни ни с чем не спутал красные, казачьи фуражки и погоны, характерные нашивки на рукавах и синие, широкие шаровары, заправленные в грязные, кирзовые сапоги, с формой любого другого времени.

Судя по местности и исторической принадлежности незнакомых людей, на момент сна Россию терзала и рвала на части страшная, Гражданская война, а перед взором Дениса терпел бедствие небольшой отряд белогвардейцев.

Обеспокоенные люди, беспрестанно оглядываясь, стараясь неслышно ступать по предательски чавкающей почве, явно пытались уйти от погони, шумевшей неподалеку. Время от времени тишину леса пронзал раскатистый выстрел и гортанный крик невидимых преследователей.

Судя по пальбе, семь бойцов русской армии были не единственными белогвардейцами, кто пытался скрыться от классового гнева вездесущих, красных воинов октября.

Получалось плохо – продвижению отряда мешал тяжелораненный боец, которого приходилось нести на самодельных носилках, наскоро собранных из неотесанных лесин и привязанного к ним плаща.

Не зная бойцов окруженного отряда, оставаясь для них лишь невидимой тенью будущего, Денис чуть ли не кожей почувствовал обреченное состояние уставших гвардейцев.

– Павел Сергеевич! Не уйдем мы. Надо бой принять! – обладатель черных, густых усов и бакенбардов, усталый и грузный мужчина опустился на почву, вытряхивая из прохудившегося сапога вездесущую жижу распутицы, – в болото мы идем ко всем чертям

– Р-разговорчики отставить! – стройный, худосочный Павел, к которому обращался усач, оказался моложавым, утонченным мужчиной лет тридцати от роду, с горящими гневом, ясными голубыми глазами. Он на корню пресек предложение своего подчиненного, чем показал свой непоколебимый авторитет, который не пошатнула даже столь бедственная ситуация.

Хоть его мундир внешне не выделялся среди других бойцов, чувствовалось, что этот благородный, смелый человек явно был главным в гибнущем подразделении.

Браво, на свой лад, растягивая букву «р» в своей речи начальник отряда, импульсивно размахивая обнаженным наганом, стараясь облагоразумить отчаивающихся бойцов:

– Нельзя нам в бой бр-ратцы! Нельзя! Знамя самого Колчака вынести надобно. Адмирал лично просил, чтобы ни случилось сохр-ранить честь последнего офицерства! Местный отшельник сказал, что через Чертово болото есть проход. Этот тр-ракт пр-роложен здесь еще со вр-ремен Екате-рины! Нужно только идол древний найти, а там...

– А там что? – не унимался усатый боец, к тому времени поднявшийся на ноги, – в Китай прикажете идти, господин офицер?

– А хоть бы и в Китай Володя! Этот бой мы проигр-рали, но не пр-роиграли войну! Мы вер-рнемся!

К всеобщему удивлению, перебивая нарастающий конфликт, тяжелораненный белогвардеец застонал. Открыв подернутые белой поволокой глаза, с надрывом поднявшись на ткани носилок, находящийся при смерти мужчина оглядел пространство вокруг себя и удручающе покачал головой:

– Тошно мне от этих мест Павел Сергеевич, – зашептал он и в уголках рта запузырилась, потекла перемешанная со слюнями кровь, – ой тошно! Чудиться мне поганое. Будто бы тени... тени глядят из кустов... Только тени не простые... Людские... жуткие... Вон одна из них.

Грязный, худой палец ткнул точно в сторону замершего Дениса.

– Не несите чушь Петя! Вы ранены. В таком состоянии и Ар-рхангел Гавр-риил может, привидится!

Действительно, после этих слов невидимый для остальных Денис более внимательно пригляделся к густым, заросшим обочинам дороги, с накаत्याющим страхом подметив странное шевеление в глубине шиповника.

Создавалось впечатление, будто бы закатные тени, искажаясь и шевелясь, жили собственной жизнью, иногда формировались в мимолетное подобие тел людей и животных, приближаясь все ближе к отступающим бойцам.

Одна тень, окончательно сформировавшись в четкую, устойчивую фигуру из темноты, легко выпорхнув на дорогу, на мгновения обратилась в образ обычной, русской женщины средних лет, чье некогда красивое лицо исказила отвратительная маска безумия и выпученные в истерике глаза.

Беззвучно перепорхнув через раненного бойца, тень на лету, практически коснувшись лицом раскрытой груди белогвардейца, всасывающим движением губ вытянула из бедолаги тонкую, разноцветную нить внутренних энергий и опустилась с другой стороны, любуясь результатами проделанной работы.

Рукав зеленого, грязного сарафана коснулся измученного тела Петра, что заставило очнувшегося бойца навзничь рухнуть обратно на ткань носилок.

Раненный воин тяжело застонал, впадая в беспамятство. Видимо подобные нападения происходили не раз и очень неблагоприятно сказывались на состоянии человека, находящегося при смерти.

– Павел Сергеевич. Оставлять его надо. Не жилец он, – безымянный, кучерявый, белокурый белогвардеец, окончательно измучившись переноской раненного товарища, опустив неудобные рукоятки носилок, взмолился перед офицером о послаблении.

– Не стыдно, Ваня? Он тебе жизнь спасал неоднократно!

– Стыдно, стыдно Павел Сергеевич. Но тут либо я, либо он...

Между тем вновь перепорхнув отряд, невидимая женщина коснулась дороги и ее нижняя часть, размытая наподобие легкого, черного облака, сформировалась в тонкий смерч, уходящий в глубину мшистой земли.

Смерч покачивался и танцевал, вынуждая зыбкую, тенистую фигуру постоянно изменяться в мареве неустойчивого изображения. Лишь одна часть тела оставалась четкой и неизменной – лицо, искаженное, бледное, неживое лицо, напоминающее маску.

Она обернулась в сторону Дениса, весело подмигнув последнему. Потрескавшиеся губы пришли в движение. Улыбнувшись неестественно широкой улыбкой, блеснув радостью выпученных, телячьих глаз сумасшедшей, она растворилась в воздухе, втянувшись сквозь землю в переплетение болотных, шевелящихся теней.

Испуганный Копылов попытался скинуть страшный и неприятный сон. До боли зажмурив глаза и сжав кулаки, он совершил титаническое усилие, чтобы вырваться в реальность, но к собственному, неприятному удивлению, вопреки обыкновению, так и остался внутри сна, ни на йоту не продвинувшись к выходу из него.

Все что происходило вокруг, больше и больше прекращало походить на производные собственного разума. Денис мог бы поклясться, что женщина в сарафане также явна, как и белогвардейцы, попавшие в беду.

С дрожью в спине, он вновь почувствовал на себе скользнувший, мимолетный взгляд мертвячки, брошенный на этот раз из-за спины. Призрак танцевал и кружил вокруг, как хищник, избравший раненную добычу для своей вечерней трапезы.

Тем не менее, отдавая себе отчет, что это всего лишь сон, Копылов неуютно поежился, почувствовав обострившееся внимание к своей персоне со стороны прочих тенистых мертвецов, сопровождавших отряд беглецов в отдалении.

Тени все чаще, формируясь во все более чёткие фигуры, явно чувствовали его присутствие, но не предпринимали каких-либо враждебных действий.

– Павел Сергеевич... а может ну его... задержу «красных»? Вы только патрончики оставьте. Авось спасетесь – внес новое предложение усач, всеми силами старавшийся быть полезным.

– Отставить, Володя! – приказал офицер, медленно продолжая движение, – Мы несколько дней в отступлении. Нас прижали к Бамбую. Нас разбили. Мы все устали. Но выйдем из пер-редр-ряги все вместе! Все, кто не потерял надежду и настр-рой на бор-рьбу! Скоро отдых и мы... мы...

Возглавляющий отряд офицер не договорил, обнаружив, что дорога плавно растворилась между густо заросших камышом, желтых кочек непролазного болота.

– Обманул, поганец... Обманул отшельник... – прошептал он, понимая, насколько самоуверенно вел верных людей к гибели.

– погоди корить себя, офицер! – Второй молчаливый боец, несущий носилки, поставил тяжелую ношу на землю, указывая пальцем на зеленую, болотную гладь – Гляди!

Скрипуче покачиваясь под порывами ветра, старинный, практически черный, гнилой идол слегка просматривался над поверхностью жижи. Выцветшие, мертвые глаза истукана равнодушно взирали на людскую драму, разыгрывающуюся на берегу. Плохо вырезанные, полустертые черты лица деревянного лица являли собой еще угадываемый, клыкастый оскал демона, которого жители местных деревень много веков назад назначили смотрителем страшных мест.

– Значит и ход есть между топей! Ну-ка соколики! Повнимательнее! Носилки на землю и искать!

Опустив раненного Петра в холодную жижу между кочек, бойцы рассыпались по берегу, выискивая незаметную тропу к спасению.

Раненный воин застонал, чувствуя холодную влагу, просочившуюся сквозь ткань плаща. Она привела его в чувство. Из последних сил Петр, приподняв голову, медленно оглядев потуги своих товарищей.

Тени... множество теней. Самых разных форм и размеров выходили из болота, видимо питаясь, наливаясь силой Чёртового места и жизненной энергией суесящихся мужчин. Тонкие струйки, вырывающиеся из тел, рассыпавшихся по берегу белогвардейцев, исчезали и исчезали в их непроглядном как ночь нутре, незаметно вынуждая воинов один за другим опускаться на колени.

Операция была проведена столь искусно, что белогвардейцы даже не замечали изменений в поведении друг друга, поглощенные поиском несуществующей тропы.

Усатый Володя, изменившись в лице, рванул наган, ловко срезав прогремевшим выстрелом ближайшего соратника. Тело жертвы, еще не осознав собственной смерти, по инерции сделало несколько рывков на коленях по чавкающей жиже, и медленно опустилось в грязь.

Будто в тире, Володя разрядил свой наган по людям, ранив нескольких из них и обессиленный, опал лицом в жижу, не имея более возможности подняться. Бульканье и крахтение

разносилось над берегом еще несколько минут, пока Володя окончательно не нахлебался мутной воды.

– Павел Сергеевич, – прошептал Пётр, стараясь восстать из холодной жижи, – родненький!

Бравый офицер, облепленный тенями с ног до головы, неторопливо шел по поверхности жижи в сторону идола, ни на сантиметр, не погружаясь в топь. Безумное, бездумное лицо Павла светилось иррациональной, жуткой улыбкой счастья, когда предводитель отряда опустился на колени перед отвратным ликом древнего идола.

Вырвавшееся из подножия истукана, чёрное, извилистое щупальце, извиваясь, захлестнуло, закрутило тело офицера, плотно прижимая к деревянной поверхности лица.

Мокрый, отвратительный хруст разнесся над болотом и выдавленный как тюбик белогвардеец, бесформенной кучей раздавленных костей, не меняя выражения лица, опустился в топь.

– Чернобог любит боль и страдание. Чернобогу нужны жертвы, – раздалось у Дениса за спиной.

Легко отодвинув в сторону Дениса обжигающе – холодной пятерней за плечо, безобразная женщина тенью пролетела мимо, заняв позицию за окровавленной спиной Петра. Ее неестественно удлиненные пальцы легко коснулись шеи раненного бойца, физически ощущаемые им:

– Кто вы? – без страха прошептал Пётр, понимая, что обречен.

– Духи чёртовых болот, – с улыбкой прошептала отвратная нечисть, вальяжно растягивая слова и отсрочивая момент начала трапезы.

– Но отшельник...

– Так же мёртв, как и мы. С каждой душой сила наша растёт. Растеёт. Растеёт. Никто не уйдёт! Как бы не пытался! Скоро не только отшельник, но и все мы выйдем отсюда и под властью Чернобога пойдем по пространствам этого мира, – говоря это, мертвячка пыталась донести слова явно не до разума жертвы.

Невесомо, неестественно обернув голову удлинившимися пальцами, похожими на путы, она из-за плеча посмотрела прямо в глаза Денису и когда последний белогвардеец бессознательно опал в жижу Болота, легко, одним движением, свернула голову раненному Петру.

Артефакты и блики заполнили изображение ночного болота и последнее, что Копылов увидел, перед тем как проснуться – это черный, старинный идол, приподнявшийся немного из отступившей воды, как знак того, что семь загубленных душ добавили Чернобогу силы.

Встрепенувшись всем телом и едва не разбудив забеспокоившуюся жену, Денис осел на кровати, медленно приходя в себя после странного сна, тяжело дыша.

Насморк забил нос с новой силой и, чертыхнувшись, Копылов потянулся к раскрытой пачке платков, заблаговременно оставленных на прикроватной тумбочке.

Как можно более тихо прочистив нос, чтобы не разбудить вновь крепко уснувшую супругу, мужчина глубоко погрузился в собственные мысли, растеряв остатки сонливости.

Нет, ночные грезы не были ужасны для его восприятия и не испугали его засильем привидений и теней. Копылов давно привык подобным сюжетам, часто приходящим к нему во время путешествий по царству Морфея. Но... странное послевкусие сна, его предельная, пугающая реальность все же вынудила мужчину нехотя встать с постели и, обернувшись полотенцем, еле слышно проследовать на кухню, чтобы перебить настрой.

Налив полный стакан воды из кулера, Денис осторожно раздвинул шторы, улыбнувшись смазанному отпечатку детской ладони, после чего бездумно прошелся взглядом по игровым и хозяйственным постройкам обычного, Братского двора.

Квартиру давно можно было поменять на частный особняк, но пока руки как то не доходили, поэтому приходилось довольствоваться четырехкомнатной жилплощадью, расположенную, к тому же, далеко не в центре города.

До боли знакомое зрелище, надоевшее за почти десятилетие обитания здесь. Несколько клумб, обрамленных белым кирпичом, плотно забитые машинами парковки, одинокие качели, забытые Богом и владельцами сарай, стоящий рядом с ними фонарь и плохо освещенный им же, покосившийся гриб песочницы – вот что открылось перед взором проснувшегося не по своему желанию мужчины.

Лишь золотые купола далекой церкви, скрашивая неказистое место обитания Дениса, грозно возвышались над уснувшими домами, ожидая первых проблесков позднего, воскресного утра, чтобы наполнить суетливый город нежными переливами святых колоколов.

Все как обычно. Картинка не менялась уже множество лет и порядком поднадоела Копылову.

Лишь одно привлекало внимание и выпадало из привычного течения вещей и событий во дворе.

Большой, черный ворон, причудливо размытый на границе света и тени, неподвижно и важно восседал на вершине грибка песочницы, так же, как и человек, разглядывая пространство ночного двора.

Птица привлекла внимание Дениса, и он с интересом уставился на своего оппонента, выжидая, когда же черному ворону надоест полночное бдение и он, гордо раскрыв крылья, улетит в звездные небеса по своим неотложным и важным, неизвестным делам.

Отвлекая внимание от созерцания птицы, одинокая машина, чиркнув фарами по окнам, выписав замысловатый маневр, лихо и нагло припарковалась на пространстве детской площадки, нисколько не смутив ворона при этом, как и громкая музыка, льющаяся из динамиков автомобиля, слышимая через мощный стеклопакет квартиры разве что отдаленными, густыми, разрывающими тишину, басами.

Копылову становилось все интереснее. Стараясь не привлекать внимание молодёжной компании, высыпавшей из салона отечественной классики, он приоткрыл пластиковое окно, впустив в дом морозный воздух осенней ночи и раскатистый, третьесортный «блатняк».

Неожиданно ворон среагировал на открытие окна, резко взмахнув крыльями и бесшумно поднявшись в воздух. Несколько стремительных взмахов и беззвучно царапнув когтями огромных лап белый пластик запыленного подоконника, птица очутилась прямо напротив Дениса, выжидаяще уставившись ему в глаза:

– Кыш! – мужчина отшатнулся, невольно отступая на несколько шагов вглубь квартиры. Столь странная выходка пернатого заставила Дениса замешкаться, – что тебе надо?

Ни звука в ответ, лишь терпеливое, молчаливое ожидание.

– Дорогой, ты там с кем разговариваешь? – спросила мужа заспанная жена, показавшаяся в дверном проеме кухни и щелкнувшая клавишей выключателя за спиной Копылова. Невыносимо ярко вспыхнул свет, заставляя Копылова зажмуриться и замотать головой. Женщина зашла на кухню, видимо разбуженная прохладой от долгого отсутствия горячего мужа, – все хорошо?

– Да но... – все еще не проморгавшийся Денис, подрагивающей рукой указал на пустое окно.

Легкий, невесомый, чуть завихренный язык тумана и черное перо – вот все что осталось на месте огромной птицы. Будто бы и не было никого и ничего, лишь по-прежнему играл за окном, надрывая плохонький саб, низкопробный шансон, вот только голоса пьяной компании растворились в темноте ночи, будто бы и не было у автомобиля никого из живых.

– Да пусть отдыхают. Разве мы молодыми не были? – не поняла замешательство растерянного мужчины его жена и, запахнув плотнее халат недовольно пробурчала – холодно, квартиру выстудишь! Пошли спать.

Не дожидаясь ответа, Дарья легко развернулась на цыпочках, устремившись в затемненную мглу квартиры, оставив Дениса одного, наедине со своими мыслями.

«Галлюцинации... Давно их не было» – разочарованно подумал Копылов.

Такое уже случалось с ним в подростковом возрасте и неоднократно, но... Денис искренне верил, что переборол этот странный недуг волей, рациональным мышлением и закалкой.

К сожалению, реальность только что убедила его в обратном. Ох, как же гордый муж, не любил разочаровываться сам в себе!

Неожиданно, от злости, захотелось выматериться, чтобы окончательно смыть из сознания образ злополучного ворона, гибнущего отряда белогвардейцев и мертвой женщины в зеленом сарафане.

Эта особенность видеть несуществующие вещи водилась за Денисом давно, с того пресловутого, злополучного приключения на Чёртовом болоте. Травма головы, глубоко пронзившая ткани и явно повлиявшая на мозг, в первые годы после ранения отзывалась в быту не болью, но странными картинками событий, выпадающих из реальности.

Мерещилось многое. Странное и отвратительное или притягательное и желанное. Хорошо хоть бабушка, обладая, помимо терапевтических навыков, навыками в психиатрии, которую между делом изучала на досуге и, являясь единственным человеком, кому Денис решился признаться в своих «особенностях» нормально восприняла его рассказ, научив правильно относиться видениям:

– Галлюцинации не имеют под собой реальной почвы, – любила приговаривать она, оставаясь наедине с внуком, – почти все великие умы страдали теми или иными психическими расстройствами, не мешавшими их гениальности. Моцарт, Эйнштейн, Тесла – все эти люди черпали свой талант из странных, мистических явлений, правильно осознавая и используя их природу. Я думаю, что посттравматический стресс пройдет. Сознание само выберет что оставить, а что сокрыть под завесой бессознательного.

– Но бабушка! – любил возражать молодой Денис, – иногда становиться просто жутко. Люди и животные настолько реальны, что кажется, их можно потрогать руками. Я словно вижу двумя глазами, одни из которых находятся в этом мире, но другие... словно принадлежат не мне, а другому человеку.

– Тебе нужно научиться справляться с этим, Дениска. В нашем отечестве не любят странных людей... Они не строят карьеры, не становятся почитаемыми деятелями науки или искусства и чаще всего оканчивают свою жизнь в четырех стенах, оббитых матрасами. Если ты понимаешь разделение сознания – углуби его и своей волей заставь исчезнуть свою альтернативную половину.

«Что ж, придется вновь взять себя в руки и еще более щепетильно работать над собственными особенностями» – решил Копылов, вернувшись из воспоминаний в настоящее время и решительно развернувшись, нырнул в темноту коридора.

Едва его фигура исчезла за резной аркой, разделяющей пространство помещений, как за окном, из завихрений легкого тумана, вновь возникла бесшумная птица, задумчиво глядящая ему в след.

На одной из задних дельт Дениса, слегка заходя за спину, виднелся четкий, белый след от женской руки.

Глава 4. Сделка с дьяволом

Утро затянуло своей неизменной суетой, легко и незаметно истерев неприятное послевкусие ночных приключений.

Общие, семейные сборы на работу и в школу, быстрый завтрак, короткие, сдержанные переговоры наполняли квартиру, настраивая хозяев на быстрый темп сегодняшнего дня.

Обычно бойкая Арина вела себя странно и тихо. Обеспокоенная несвойственным поведением ребенка Дарья даже потрогала лоб дочери, чтобы убедиться, что у последней нет температуры – настолько несчастным выглядело осунувшееся, бледное личико девочки.

– Все в порядке мам! – ребенок выдавил из себя улыбку, отстраняясь от материнской заботы, – просто не выспалась.

– Я на всякий случай – улыбнулась Даша, все еще не привыкшая к самостоятельности дочери, – тебя сегодня со школы забирать?

– Нет мам, приду сама. Погода хорошая. На дополнительные занятия никуда не надо. Да и прогуляться хочется.

– Хорошо, но будь аккуратна! – это уже Денис вмешался в разговор, каждый раз, волнующийся при длительном отсутствии дочери вне стен родной квартиры.

В последнее время в Братске было беспокойно. Сводки пестрели сообщениями об исчезнувших людях и странных убийствах. Данная ситуация уже давно заинтересовала внутренние органы, призывающие по всем каналам граждан оставаться бдительными и сообщать о любых странных явлениях и людях.

Неожиданно, кажущиеся далекими сообщения о бдительности прорвались в реальность, взбаламутив ближайшее окружение Копылова. В голове, помимо воли, всплыл образ, как Аринку, во время прогулки, перехватывает безликий мужчина, унося в нутро припаркованного автомобиля.

Копылов невольно сжал кулаки. Ни смотря на закон, если хоть кто-то посмеет обидеть дочку, он его найдет и накажет. Накажет стократно, по отношению к принесенным страданиям.

Благо, что подобные мысли были всего лишь наваждением, а поэтому, дождавшись своей очереди в ванну, глава семейства торопливо придался утреннему прихорашиванию и бритью.

Как, оказалось, спешил он совершенно зря.

Только что закончивший чистить зубы и страшно не выспавшийся Денис, закрыв кран с шумной водой, вышел в прихожую, с удивлением уставившись на двух сотрудников полиции, стоящих на пороге. Люди в форме о чем-то вполголоса переговаривались с Дарьей, и едва Копылов показался в поле их зрения, полностью переключили внимание на него.

Заспанный, поёживающийся в тёплой квартире после прохладного утра, в столь ранний утренний час и еще совсем молодой старший сержант, с легкой примесью востока в тонких чертах худого, детского лица обернулся к хозяину квартиры. Коротко кивнув в знак приветствия, сержант продолжал о чем-то быстро тараторить, постоянно расспрашивая Дарью, явно стараясь произвести на красивую женщину благодное впечатление. При этом молодой сотрудник полиции, беспрестанно фиксировал любые её ответы в блокнот, видимо, чтобы еще больше подчеркнуть важность собственного «я».

Вдоволь наигравшись в сурового следователя, сержант, наконец-то переключил внимание на вышедшего из ванны мужчину. Он, не взяв и секунды паузы, продолжил опрос, и ручка с новой скоростью запорхала по испisanному блокноту сотрудника правоохранительных органов:

– Денис Вячеславович это вы, вы или правильно я понимаю? – начал сержант, довольно глупо выстроив первую фразу опроса, из-за своей торопливости, довольно смешно изменив порядок слов.

– А есть сомнения? – вопросом на вопрос, хмыкнул в ответ Денис, пребывая в легкой форме замешательства от визита столь неожиданных и незваных гостей.

– Всё бывает, – философски заметил сержант и, не мешкая перешел к делу, – вы ночью сегодня не видели ничего странного, что могло бы дополнительно привлечь ваше внимание? Ориентировочно в период с трех до четырех часов ночи?

Про себя Денис усмехнулся, живо представив, как излагает сержанту свой сон и ночное видение, но вместо этого Копылов, не поведший и бровью, естественно, принялся рассказывать другое:

– Разве что компания, расположившаяся под окном...

– С этого места поподробнее, – высокий и статный, молчаливый и задумчивый, русоволосый старший лейтенант, которого весь район знал, как своего участкового, вынырнув из размышлений, с интересом уставился на Дениса, – когда приехали? Во сколько? Как себя вели? Что пили? Что за марка автомобиля? Нас интересуют все подробности.

Копылов почувствовал в этом человеке настоящего, собранного и сосредоточенного профессионала своего дела. Уверенность и опыт проявлялись буквально в каждом слове, в каждом жесте офицера, не смотря на молодость образа. Даже Денису стало тяжело поддерживать зрительный контакт с участковым, настолько последний обладал пронзительным взглядом глубоких, карих глаз.

В душе что-то предательски кольнуло, сбивая с бизнесмена спесь. Помимо своей воли Копылов почувствовал себя маленьким, нашкодившим сорванцом, пойманным за руку в чужом огороде.

Напряженная обстановка в городе сказала на опрятности старшего по званию. Это и понятно. Видимо участковому ни единожды приходилось оставаться на работе на ночь. Форменный, полевой китель был измят, но сидел как влитой на тренированном, жилистом теле. Фуражка слегка потеряла форму, а бесцветная кокарда была забавно отклонена в сторону от уставной оси.

Офицер, явно мучаясь бездельем, бездумно вертел в руках пачку носовых платков Дениса, до сего момента внимательно вчитываясь в мелко написанную инструкцию на целлофановой упаковке. Его взгляд лишь на секунду оторвался от текста и скользнул по фигуре хозяина квартиры, будто бы оценивая соотношение сил при потенциальном сопротивлении.

Озвучив ряд интересовавших его вопросов, офицер совершенно естественно продолжил малоинтересное чтение, терпеливо ожидая ответы оппонента.

Это мирское, простое занятие, почему то усугубляло образ предельной нервной и физической напряженности участкового и зрительно делало молодого мужчину несчастным. Ко всему прочему по впалым, бледным, веснушчатым щекам богато рассыпалась густая, трехдневная щетина, хорошо видимая при ярком освещении.

– Павел Иннокентьевич – вмешалась в разговор Дарья, очевидно хорошо зная личность представителя власти, – может чаю?

– Нет, нет, спасибо Дарья Сергеевна! – отказался от предложения офицер, полностью отвлекшись от чтения инструкции – Я понимаю, что итак отрываю вас от устоявшегося, утреннего моциона и задерживаю перед работой, а поэтому все очень и очень кратко, на бегу. Так что же вы видели, Денис Вячеславович?

– Только то, что молодые люди развлекались, слушая музыку и о чем-то громко переговариваясь между собой. Даже количество их не запомнил.

– И всё? – разочарованно протянул офицер, явно ожидавший большего набора фактов.

– Всё, – уверенно ответил Денис, к которому вернулась былая уверенность, мельком посмотрев на настенные часы.

Этот мимолетный жест не ускользнул из профессионально обостренного внимания наблюдательного лейтенанта:

– Денис Вячеславович. Я оставил Дарье свой номер. Если вспомните о чем-то более подробно, то позвоните мне, будьте любезны. Олег, пойдем – обратился старший по званию к своему деятельному подчиненному, – Не будем задерживать людей!

– А что собственно произошло? – не сдержал собственного любопытства Денис

– Двойное убийство, – особо не думая, произнес, уходя старший сержант, приоткрывая тайну следствия, – двое с ножевыми ранениями в машине, один ранен и в коме. Двое двухсотых... Один трехсотый...

– Ну! Угомони ка ты свою прыть! – перебил несдержанного коллегу еще более посерьезневший участковый, – город большой. Бывает многое. Не обращайтесь внимания! – на прощание обратился Павел Иннокентьевич к хозяевам квартиры, и еще раз извинившись за столь ранний, но необходимый визит, вышел на лестничную клетку.

– Ну вот! Опять... – выдохнул Денис, едва за неожиданными визитерами захлопнулась входная дверь.

– О времена, он нравы! – процитировала невозмутимая Дарья кого-то из великих людей и, видимо, не желая больше обсуждать с мужем столь страшные события, решительно проследовала на кухню, чтобы доесть остывший завтрак.

Копылов остался один. Пребывая в раздумьях, он медленно осмотрел коридор, собираясь с мыслями. Чего – то явно не хватало, но чего?

Рефлекторное шмыганье носом позволило хозяину квартиры обратить внимание на исчезновение мелкого, но столь важного предмета обихода.

Уходя, невольно или специально, участковый прихватил с собой пачку носовых платков.

Копылов искренне пожалел, что столь быстро, при первой встрече, наградил образ участкового множеством положительных качеств.

– Клептоман чертов! – в полголоса ругнулся Денис, следуя на кухню за своей женой.

Красивая, синяя визитка полицейского, со вкусом украшенная гербом ведомства на заднем плане позади основного текста, нашла свое место в бардачке автомобиля по дороге на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.